

произрастания цветка (в долинах) и его внешних признаках (похож на лилию). Эти свойства подчеркиваются также польскими (калькированными) соответствиями латинского словосочетания: *lilia padolna* – букв. «лилия долин» [Linde, 2, 590; ЕСУМ, 2, 547; Siawski, 2, 442–443]; *polna lilia* – букв. «полевая лилия» [Spółnik, 1990, 26].

2.3. Явление многократного акцентирования важных для образа растения качеств в параллельно функционирующих собственно польском и заимствованном наименованиях представлено многими примерами: пол. *dzwonek* ‘колокольчик’ (от *dzwon* ‘колокол’ на основе сходства формы цветка) – пол. *kampanula* ‘колокольчик’ (лат. *campanula* от *campāna* ‘колокол’); пол. диал. *bocianie noski* ‘герань’ (от *bociani nos* ‘журавлиный нос’ < *bocian* ‘журавль’, из-за длинных, острых плодов, похожих на журавлиные носики) – пол. *gerania, geranium* ‘герань’ (через лат. *geranium* из гр. *γέρανιον*, от *γέρωνος* ‘журавль’) [ЕСУМ, 1, 497] и др.

3. Можно предположить, что чертой, мотивирующей отнесение лексемы *karafijot* к садовой гвоздике (*Dianthus Caryophyllus*), является сильный аромат (ср. лат. *Caryophyllus aromaticus* ‘гвоздичное дерево’) [см.: Непоп-Айдачич], но утрата живой смысловой соотнесенности названия с мотивирующим признаком привела к его использованию по отношению ко многим растениям, поэтому пол. *karafijot* воплощает сплетение представлений о самых разнообразных растениях [см.: Brückner, 219].

Этимологический анализ собственно польских и общеславянских флорономий, утративших живую связь с мотивирующими основами, позволяет выявить этнолингвистически важные сведения о чертах цветов, являющихся основными компонентами их языкового образа. Если речь идет о разного рода заимствованиях, то представленные в иноязычных лексемах признаки становятся составляющими польского языкового образа цветов в том случае, если они вербализируются также средствами польского языка. При утрате этимологии заимствованных флорономий вследствие отсутствия собственно польских соответствий, закрепляющих представление о данной черте растения, а также мифологическо-легендарных переосмыслений названия чаще всего происходит разрыв связи между денотатом и лексемой.

Непоп-Айдачич Л. В. Стереотип гвоздики в польском языке и культуре // Этноботаника. М., в печати.

Spółnik A. Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1990.

С. Е. Никитина
Москва

Этноконфессиональная лингвистика?

Словосочетание *этноконфессиональная лингвистика* может быть понято в двух смыслах. Можно считать, что это область славянской этнолингвистики, которая исследует специфические языковые стереотипы, связанные с религиозной сферой. Так, вопросы по народному православию являются необходимыми

инструментом этнолингвистических исследований православного населения славянских стран. Однако можно считать, что этноконфессиональная лингвистика занимается описанием всех языковых проблем этноконфессиональных групп, и в этом случае поле деятельности лингвистов несколько меняется. С одной стороны, оно, казалось бы, существенно расширяется по двум причинам: во-первых, по проблематике, во-вторых, по объекту, поскольку этноконфессиональными группами называются любые сообщества, определяющие себя как этнос по своей конфессиональной принадлежности. Это духоборцы и молокане, противопоставляющие себя русским, т. е. православным русским («Мы не русские, мы особая нация»), хотя в большинстве своем и духоборцы, и молокане – этнические русские; меннониты – последователи учения монаха Менно Симмонса, среди которых есть и голландцы, и немцы. Этноконфессиональные группы есть и в мусульманстве, и в других мировых религиях. С другой стороны, из фокуса внимания этноконфессиональной лингвистики во втором ее понимании выпадают лингвоконфессиональные проблемы разных этнических групп какой-либо страны, где есть доминирующая конфессия, например православная, к которой эти этнические группы принадлежат. Чаще всего этноконфессиональные группы, называвшиеся ранее сектами, являются своеобразными маргиналами в стране, где доминирует другая конфессия. Существенно, что большинство этноконфессиональных групп естественным образом включается в пространство традиционной народной культуры.

И в том, и другом варианте осмысления предлагаемого названия совокупности задач двух этноконфессиональных лингвистик в большой степени пересекаются. Однако существует некоторая специфика этноконфессиональной лингвистики во втором варианте понимания. Она связана с тем, что именно этноконфессиональные группы имеют ряд специфических признаков, таких как особый для каждой группы баланс между замкнутостью и открытостью, обостренное самосознание, стимулирующее сознательное строительство и осмысление своей культуры; самостоятельность, т. е. отсутствие необходимости и потребности в регуляции духовной жизни извне; эсхатологическая ориентация. Все это накладывает мощную печать на конкретные проявления повседневной жизни, на традиции, составляющие культуру, стимулирует создание конфессиональных текстов, особого речевого этикета и оригинальной конфессиональной терминологии, использующей разные языковые источники. Рассмотрим несколько терминологических примеров на материале языка молоканской культуры.

В южнорусских диалектах, которые являются языком молокан, есть глагол *кстить* – фонетический вариант глагола *крестить* в литературном языке. Молокане отрицают водное крещение, но совершают обряд над младенцем с участием пресвитера, с чтением молитв, называя этот обряд *кщением* в противоположность православному *крещению* («Мы не крестим младенца, мы кстим его. Когда кстят, ангелы записывают в книгу жизни»). При этом идея воды в молоканском обряде остается, но *воды живой* – очень любимого молоканами новозаветного понятия, которое понимается как образ благодати, Христовой спасительной любви; поэтому *некщеный* младенец называется *неумытым*, или *неомытым*. Чаще всего это бывает, когда ребенок родился вне молоканского брака: это великий грех, и старцы

отказываются *кстить* младенца: «Старики должны собраться и *имя положить* на человека; *неумытый* – значит, не помолились за него. И их <неумытых. – С. Н.> нет в числе *избранных*. А когда вырастут, нельзя допускать к *святому лобзанию* <обряд прощения. – С. Н.>. И нет на них благословения».

Обостренное самосознание стимулировало активную герменевтическую деятельность по толкованию священных текстов, эсхатологическая милленаристская ориентация молокан привела к созданию молоканским пророком Максимом Рудометкинским учения о тысячелетнем царстве, идея которого есть в текстах пророка Исайи и в Апокалипсисе. Появилось слово *поход*, по-видимому, заимствованное из языка казаков, которые общались с молоканами-прыгунами. Слово было переосмыслено. Главным *походом* молокан называется поход духовный – духовное очищение перед скорым концом света для перехода в тысячелетнее царство на земле, названное *убежищем*. Убежище же, по представлениям молокан-прыгунов, будет недалеко от горы Арарат. Это название вводит нас в молоканское топонимическое пространство, также пронизанное конфессиональными смыслами. Неслучайно молокане-прыгуны Армении не хотят уезжать из своих родных мест – их держит священная гора Арарат, великая гора, на которой находится ковчег и на которую спустится небесный Иерусалим, под которой будет располагаться территория будущего тысячелетнего царства Божия на земле. Нужно заметить, что почти все молокане и духоборцы – недавние переселенцы из Закавказья в Россию – заражены топосной (или топонимической?) ностальгией, сопрягающей в себе тоску по оставленным местам, их именам и связанным с ними преданиями и надеждам.

Специфика этноконфессиональных культур состоит, в частности, в том, что они образуют не сплошные территории, но массу отдельных точек на карте – в силу вынужденных многочисленных миграций. Прежде чем приступить к составлению карт, подобных этнолингвистическим (например, лексическим картам названий конфессиональных ролей, имеющих территориальные синонимы), необходимо составить карту всех поселений конкретной этноконфессиональной группы – а для таких групп, как старообрядцы или молокане, это будет карта не одной страны, но практически всего мира.

Т. М. Николаева
Москва

Город: аура имени

В текстах – как устных, так и письменных, – названия городов бывают окружены некими характеристиками, которые, в большей или меньшей степени, формируют образ города, независимо от того, бывал в нем носитель данного языка или нет. Разумеется, квалификация городов бывает самой общей, см. деление В. Н. Топоровым древних городов на две группы: Город-Блудница и Город-Дева. Города-Блудницы – это древний Вавилон, Рим; Города-Девы – это обычно средневековые